

Взаимодействие пропозициональных установок в семантике возможных миров*

Д. Б. Тискин (СПбГУ, ВШЭ СПб)

Традиционным средством представления значений высказываний о пропозициональных установках является реляционная семантика возможных миров, принципы которой восходят к работам Р. Карнапа, С. Кангера, С. Крипке, Я. Хинтикки и др. Каждому высказыванию в ней соответствует множество миров (положений дел), где оно истинно, а каждому такому миру и некоторому агенту (носителю установки) — множество миров, совместимых с установкой данного агента в данном мире. Глагол со значением пропозициональной установки, такой как *знает* или *хочет*, в семантике представляется как модальный оператор — квантор, пробегающий по множеству совместимых с установкой миров. Вслед за Б. Расселом и У. Куайном, семантика Р. Монтегю так или иначе использует понятие сферы действия модального оператора, предполагая, что в пределах его сферы действия значение выражений вычисляется именно в том возможном мире, выбор которого ассоциирован с модальным оператором. Это имеет значение, например, при анализе чтений *de dicto*: так, в (1) речь идёт об индивидах, удовлетворяющих свойству *быть самым большим натуральным числом* в доксистических альтернативах Ивана. Если он, к примеру, думает, что самое большое натуральное число — триллион, речь пойдёт о триллионе, хотя мы знаем, что самого большого натурального числа не существует.

(1) Иван думает, что самое большое натуральное число чётно.

Таким образом, в простейших случаях высказываний о пропозициональных установках вопрос обычно ставится в виде строгой дизъюнкции: в мире произнесения либо же в совместимых с установкой агента мирах будет интерпретироваться тот или иной фрагмент предложения?

Целью данной работы будет продемонстрировать, что некоторые уже известные случаи, составляющие проблему для анализа в терминах соотношения сфер действия квантора и модального оператора, могут быть более успешно проанализированы, если отказаться считать эту дизъюнкцию исчерпывающей.

Дж. Фодор привлекла внимание исследователей к примерам «неспецифических прозрачных» чтений, которые не могут быть однозначно охарактеризованы как *de dicto* или *de re* по отношению к одной из входящих в них кванторных групп. Допустим, Иван хочет посмотреть один из фильмов Акиры Куросавы — неважно, какой именно, — например, чтобы составить себе общее представление о его творческой манере. Поскольку говорящий знает, что все фильмы Куросавы достаточно известны, он может произнести (2), даже не будучи уверенным, что Иван знает об известности работ Куросавы.

(2) Иван хочет посмотреть известный фильм.

Поскольку речь не идёт о каком-то определённом фильме, (2) не может быть прочитано *de re*; поскольку свойство быть известным, быть может, и не приписывается фильмам самим Иваном, это не обычный случай *de dicto*. Существует несколько подходов к анализу такого рода «неспецифических прозрачных» чтений; некоторые из них нацелены на то, чтобы предикат-рестриктор *известный фильм* интерпретировался в действительном мире; М. Кауфман предлагает переходить от свойства, обозначаемого предикатом-рестриктором, к другому, коэкстенсивному ему во всех релевантных мирах-альтернативах (в т. ч., возможно, и в действительном мире). В противоположность этому мы предлагаем считать, что при названном чтении вложенная

---

*Автор благодарит Я. Вишлицкого и П. С. Куслия за ценные замечания относительно ранней версии работы. Ответственность за содержание целиком лежит на авторе.

клауза в (2) должна получать семантическую интерпретацию на множестве таких булетических альтернатив Ивана, которые в то же время совместимы с убеждениями говорящего (принадлежат к множеству его доксистических альтернатив).

Действительно, хотя наши интуиции в этом случае недостаточно чётки, нам представляется, что если говорящий уверен, что Иван *не* считает фильмы Куросавы известными, то (2) не имеет ни одного истинного чтения. Это подкрепляет нашу гипотезу о том, что формальный аналог убеждений говорящего — множество его доксистических альтернатив — имеет значение для вычисления значения даже вложенной клаузы.

Кроме того, в случае более чем однократного вложения, по-видимому, возможны разные комбинации из множеств альтернатив говорящего и упомянутых агентов:

(3) Иван думает, что Маша хочет посмотреть известный фильм.

Так, (3) может быть истинным, если Маша хочет посмотреть какой-нибудь фильм Куросавы, а Иван знает, что все они более или менее известны; но оно истинно и тогда, когда это знает не Иван, а говорящий.

Наше стремление менять контекст интерпретации в с е й вложенной клаузы, а не только создающей теоретические проблемы кванторной группы, может быть объяснено следующим образом. Во-первых, признаваемая многими теориями необходимость манипулировать частью клаузы усложняет постулируемую структуру логической формы. Во-вторых, «прозрачная» интерпретация возможна не только в случае кванторных групп. Так, дискуссию (М. Кауфман, Я. Судо) вызвало выдвинутое О. Перкусом ограничение, запрещающее интерпретировать в действительном мире главный предикат клаузы: если в примере Перкуса (4) это ограничение кажется резонным, то в примере Судо (5) оно отсекает имеющееся в действительности у предложения чтение.

(4) Мэри думает, что мой брат — канадец.

ЗАПРЕЩАЕМОЕ ЧТЕНИЕ: Маша думает об настоящем канадце, что он мой брат.

(5) Мэри думает, что Сью — католичка.

ЗАПРЕЩАЕМОЕ ЧТЕНИЕ: Мэри знает, что Сью почитает папу римского, но считает, что такие люди называются протестантами.

Более того, возможна ситуация, когда один коммуникант, отвергая сомнительное предложение другого, произносит:

(6) Да ты на посмешище меня выставить хочешь!

(7) Да ты хочешь, чтобы я посмешищем стал!

Эти примеры достаточно сложны, но можно предположить, что говорящий не приписывает собеседнику желания выставить его в дурном свете, а утверждает, что реализация настоящего желания собеседника при всех представимых обстоятельствах (во всех релевантных мирах-альтернативах) приводит к осмеянию говорящего. Эта пара примеров показательна тем, что различие субъектов вложенных клауз не позволяет ограничить сферу «прозрачной» интерпретации одним лишь предикатом.

На деле требуемый инвентарь операций над множествами миров, по-видимому, несколько сложнее, чем простые теоретико-множественные операции: говорящий может не верить в магию (так что, в отличие от (2), пересечение множества его доксистических альтернатив со множеством миров, где магия возможна, пусто), но произнести (8), если он знает, что Иван хочет превратить тыкву в карету, пусть даже сам Иван и считает эту задачу совершенно научной.

(8) Иван хочет прибегнуть к магии.

Тем не менее, введение новых операций не лишает предлагаемый подход компактности: усложняется индекс возможного мира, но не общая структура предложения.